

ЭРИНА ДАРК

НИТЬ ЧУЖОЙ ЖИЗНИ

ТОМ I

ДОМ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

Эрина Дарк

Нить чужой жизни.

Дом под чужим именем

<https://litres.ru/74490298>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли начать жизнь заново, если она уже принадлежала кому-то другому?

После смерти Василиса просыпается в теле Лавэрии Орселин — эльфийки из древнего рода, едва пережившей опасный ритуал. Для всех вокруг её потеря памяти кажется единственным объяснением. Василиса решает не спорить.

Чужое имя, чужая семья, чужой дар — к этому можно привыкнуть. Сложнее привыкнуть к тому, что у Лавэрии было прошлое, о котором никто не говорит прямо. Странные видения, обрывки чужих дел и слишком разные воспоминания окружающих постепенно складываются в вопрос, от которого уже не отвернуться.

Что случилось с настоящей Лавэрией? И сможет ли Василиса остаться собой, если эта чужая жизнь однажды станет ей дороже прежней?

Содержание

Пролог. Последняя смена	4
Глава 1. Комната с открытыми окнами	18
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Эрина Дарк

Нить чужой жизни.

Дом под чужим именем

Пролог. Последняя смена

Пролог. Последняя смена

К девяти вечера магазин начинал звучать громче людей. Холодильники гудели вдоль стены, над кассами потрескивала одна из ламп, которую обещали заменить ещё на прошлой неделе, дверца морозильного ларя снова закрывалась только после толчка бедром. Василиса третий раз за смену поймала себя на мысли, что если завтра кто-нибудь спросит, почему она не внесла эту дверцу в заявку, она способна будет совершить первое в жизни убийство бытовой техникой.

До закрытия оставалось немного. Ноги в промокших ботинках остыли ещё часа два назад, волосы выбились из хвоста, а чай, поставленный под стойкой, успел пройти все стадии от горячего до сомнительного. Василиса отпила глоток, поморщилась и всё равно допила. Выливать было жалко.

— Вась.

Она подняла голову. Новенькая стояла возле служебной двери с чеком в одной руке и упаковкой сыра в другой. По

лицу было видно, что за последние пять минут сыр приобрёл для неё значение государственной угрозы.

— Что случилось?

— Женщина хочет вернуть. Говорит, дома увидела, что упаковка вскрыта. Я сказала, что позову тебя, а она теперь говорит, что уже двадцать минут ждёт.

— Она пришла четыре минуты назад.

Новенькая посмотрела на часы над дверью, потом на Василису.

— Откуда ты знаешь?

— Я её видела.

— А.

Василиса выбралась из-за стойки и забрала чек.

— Пойдём. Только не прячься за мной, ладно? Один раз покажу, следующий твой.

Женщина у кассы действительно уже ждала. И действительно выглядела так, словно провела здесь значительную часть молодости.

— Наконец-то, — встретила она Василису. — Мне продали вскрытый продукт.

Василиса осмотрела упаковку. Край плёнки отходил сбоку; сыр внутри никто, кажется, не трогал, но выяснять, где именно отошла плёнка — в магазине, в пакете или уже дома, — желания не было.

— Чек у вас есть. Возврат сделаем. Картой платили?

— Да.

— Тогда деньги вернутся на карту. Срок зависит от банка.

Покупательница заметно приготовилась продолжать спор, но следующего повода Василиса ей не дала. Поставила упаковку рядом с кассой, открыла нужный раздел на терминале и подозвала новенькую ближе.

— Смотри сюда. Вот чек, вот позиция. Сначала выбираешь товар, потом причину возврата. Не жми подтверждение, пока не проверишь сумму.

— Здесь?

— Угу. Теперь карту покупателя.

Женщина приложила карту. Терминал задумался, выдал чек и пискнул.

— Всё? — спросила она уже спокойнее.

— Всё. Этот чек лучше сохранить до зачисления.

— А сыр?

— Мы его снимем с продажи.

Женщина убрала чек в кошелёк и ушла, толкнув плечом тяжёлую дверь. Колокольчик над входом звякнул.

Новенькая проводила её глазами.

— Я думала, она будет ругаться.

— Могла бы.

— А если бы начала?

Василиса взяла упаковку двумя пальцами и понесла к стойке списания.

— Выслушала бы. Потом всё равно оформила возврат.

— И всё?

— А чего ты хотела? Дуэль на батонах?

Новенькая фыркнула, наконец перестав выглядеть так, будто сейчас расплачется.

— Запомни, куда я положила товар. Его нельзя вернуть на полку, даже если с виду нормальный. И чек прикрепи к акту, иначе утром будут искать виноватого, а виноватой назначат тебя.

— Спасибо.

— Не благодари раньше времени. Завтра возврат твой.

Она вернулась к своим бумагам, пока новенькая убирала сыр и заново проверяла чек. На экране служебного компьютера висела таблица с остатками. Одна строка упорно не сходилась.

Василиса протёрла ладонью глаза и снова пересчитала цифры.

Двенадцать пришло. Семь продано. Четыре стоят на полке.

Одна упаковка куда-то испарилась.

Она взяла терминал и пошла к стеллажу. По пути пришлось пропустить мужчину с корзиной, вытащить из-под нижней полки закатившуюся бутылку воды и объяснить пожилой покупательнице, где лежит соль. К тому моменту, когда Василиса добралась до нужного ряда, терминал уже успел погаснуть.

— Конечно, — пробормотала она и включила экран снова.

На полке действительно стояли четыре упаковки. Пятая обнаружилась за соседним ценником, куда её кто-то сунул боком.

Василиса вытащила находку.

— Вот ты где.

Теперь оставалось понять, почему программа всё равно показывала недостачу. Она проверила продажи ещё раз, открыла накладную и нашла ошибку не сразу: одна позиция прошла под старым кодом. Исправление заняло несколько минут, зато цифры наконец сошлись.

За спиной хлопнула дверь подсобки.

— Василис, перчатки есть?

Коллега показала ладонь. На рабочей перчатке между большим и указательным пальцами разошёлся шов.

— Ты эту доедала?

— Коробка зацепилась.

— В нижнем ящике посмотри.

— Там одна пара.

— Значит, бери.

Коллега полезла в ящик, достала упаковку и задержалась.

— А тебе?

— Я уже закончила с морозилкой.

— Точно?

Василиса посмотрела на её разошедшийся шов.

— Иди бери коробки, пока поставка сама себя не разнесла.

Та натянула новые перчатки и ушла в подсобку. Василиса вернулась к компьютеру, машинально потёрла пальцы о рукава кофты. В магазине было тепло, а руки после проверки морозильника так и не согрелись.

Она сохранила исправления, закрыла таблицу и потянулась за журналом смены.

На стойку легла ещё одна папка.

Василиса посмотрела сначала на папку, потом на мужчину из дневной смены, который её принёс.

— Это что?

— Списание по вчерашней поставке. Там два акта не закрыты. Начальство утром спросит.

— И?

— Ну ты всё равно сейчас за компьютером.

Усталость, весь вечер сидевшая где-то между лопатками, вдруг стала очень ощутимой.

Василиса положила ручку.

— Я закрываю сегодняшнюю смену.

— Там минут на десять.

— Значит, утром за десять минут закроете.

Он потянул папку ближе к ней.

— Вась, ну чего тебе стоит?

Она вернула папку обратно тем же движением.

— Мне стоит десяти минут после смены за работу, которую вчера должен был сделать другой человек. Положи в его ячейку.

— Утром опять начнут бегать.

— Пусть начинают с того, кто оставил акты.

Мужчина постоял ещё секунду. Василиса уже открыла журнал и проверяла подписи, не помогая ему молчанием добиться нужного ответа.

— Ладно, — буркнул он наконец.

— Спасибо.

— Вот умеешь ты.

— Умею уходить домой. Сегодня особенно хорошо.

Он унёс папку. Василиса посмотрела ему вслед, выдохнула через нос и снова склонилась над журналом. Раздражение ушло так же быстро, как пришло. Завтра они нормально поздороваются, возможно, даже будут вместе разгружать очередную поставку. Но вчерашнее списание от этого не становилось её работой.

В двадцать четыре Василиса уже слишком хорошо знала, как легко слово «помоги» превращается в постоянную обязанность, если несколько раз промолчать.

Последние покупатели ушли. Новенькая проверила кассу, на этот раз сама, только один раз заглянув Василисе через плечо в ожидании подтверждения.

— Не на меня смотри. Цифры проверяй.

— Сошлось.

— Тогда закрывай.

За стеклянными дверями была темнота, фонари и мелкий снег, который ветер гонял вдоль тротуара. Василиса выключила

чила половину света в зале, прошла вдоль холодильников, проверила замки на служебных дверях и вернулась к входу.

— До завтра, — сказала новенькая, застёгивая пуховик.

Василиса натянула шапку.

— Я очень надеюсь, что нет.

Девушка испуганно остановилась.

— В смысле?

— В смысле у меня по графику выходной.

— А. Я думала...

— Не пугайся так. Я ещё не уволилась.

На улице холод сразу забрался под воротник. Василиса втянула голову в плечи, затянула молнию до подбородка и посмотрела на телефон. Такси ехало двенадцать минут.

— Прекрасно.

Можно было ждать внутри, но дверь уже закрыли, возвращаться и снова возиться с сигнализацией не хотелось. Василиса сунула телефон в карман и пошла к остановке, где под навесом горел маленький киоск.

От холода мокрые ботинки стали ещё неприятнее. Носок на правой ноге явно сбился, пятка тёрлась, и каждый шаг напоминал, что утром она выбрала эту пару только потому, что другая стояла грязная.

Киоск пах выпечкой и кофе.

Василиса остановилась перед витриной, посмотрела на слойки, пирожки и ценники.

— Вот эту, пожалуйста. С корицей.

Продавщица положила булочку в бумажный пакет.

— Подогреть?

Василиса представила, как будет есть тёплую булочку на морозе, и решение принялось само.

— Да.

Через минуту пакет приятно грел ладони. Василиса отошла от киоска, откусила край и обнаружила, что внутри корочки меньше, чем обещал вид снаружи.

— Обманули, — сообщила она булочке.

Та осталась равнодушна.

Такси было уже в восьми минутах.

Василиса пошла медленнее. Ветер на несколько секунд стих, и снег перестал бить в лицо. У края тротуара росло тонкое дерево, тёмное, мокрое после дневной оттепели. На одной ветке застыла вода. Фонарь попадал на лёд сбоку, и весь тонкий изгиб светился прозрачным серебром.

Василиса остановилась с надкушенной булочкой у рта.

На ветке не было ничего необычного: лёд, свет и несколько сухих листьев, которые почему-то ещё держались. Но выглядело это так красиво, что идти дальше сразу расхотелось.

Она подошла ближе.

Иней сидел на краях листа мельчайшими иголками. Внутри капли на кончике ветки отражался перевернутый фонарь. Если сдвинуться на шаг, свет исчезал; вернуться — появлялся снова.

Василиса улыбнулась и ещё немного постояла, забыв про

холодные ноги.

Телефон завибрировал в кармане.

Она достала его свободной рукой. Сначала решила, что приехала машина, но на экране было сообщение от мамы.

«Ты ещё на работе? Как доедешь, напиши. И поешь нормально, а не какую-нибудь булку на ходу».

Василиса медленно опустила глаза на бумажный пакет.

— Это уже какая-то слежка.

Она набрала: «Я как раз...», посмотрела на булочку и стёрла.

Пальцы мёрзли. Да и отвечать одним сообщением не хотелось. Дома снимет ботинки, поставит чайник, позвонит. Мама, скорее всего, снова спросит, почему Василиса согласилась выйти лишний раз, и снова услышит, что людей не хватало. Потом они поговорят о чём-нибудь совершенно другом.

Телефон сообщил, что такси подъехало.

Василиса ещё раз посмотрела на ледяную ветку и пошла к машине.

В салоне было жарко. Она стянула шапку, сразу пригладив вставшие дыбом волосы и поставила пакет с недоеденной булочкой на колени.

— Добрый вечер, — сказал водитель.

— Добрый.

— Не замёрзли?

— Уже не чувствую ног, так что, наверное, нет.

Он тихо засмеялся и тронулся с места.

За окном поплыли фонари, знакомые дворы, остановки, тёмные окна первых этажей. Снег на проезжей части давно превратился в серую кашу, которую колёса швыряли к обочине.

Василиса расшнуровала один ботинок настолько, насколько позволял салон, и пошевелила пальцами. Носок действительно сбился.

Завтра была поставка.

Мысль пришла сама, хотя завтра у неё должен быть выходной.

Она прикрыла глаза.

Поставку могут принять без неё.

Секунды три это утверждение даже казалось убедительным.

Потом Василиса вспомнила, что новенькая впервые будет принимать молочку, на складе с прошлой недели переставили половину стеллажей, а в накладной поставщика в прошлый раз снова были перепутаны две позиции.

Телефон лежал в руке. Можно было написать в рабочий чат инструкцию. Ещё одну. На всякий случай.

Василиса разблокировала экран, посмотрела на значок чата и выключила его обратно.

Нет.

Выходной нужен был хотя бы затем, чтобы вспомнить, как выглядит квартира при дневном свете. И чтобы вымыть вто-

рую пару ботинок. И, возможно, поспать дольше шести часов без будильника.

Она положила телефон в карман и устроилась удобнее.

Мокрый носок охлаждал пятку.

Булочка пахла корицей.

Мама ждала сообщения.

Ничего из этого не требовало немедленного решения, и от этой мысли стало легче.

Машина выехала на более тёмную улицу. Здесь фонарей было меньше, снег лежал плотнее, а по краям дороги блестел лёд.

Водитель убрал ногу с газа.

Василиса заметила движение скорее по тому, как изменился звук мотора.

— Скользко, — сказал он, глядя на дорогу.

Она посмотрела вперёд.

Свет фар лёг на белёсую полосу поперёк асфальта.

Машина пошла по ней боком.

Сначала совсем немного. Василиса успела подумать, что водитель сейчас выравнивает её. Он повернул руль, скорость уже падала, но заднюю часть автомобиля потянуло дальше.

Пакет с булочкой соскользнул с колен.

Василиса схватилась за край сиденья.

Мир за окном повернулся. Фонарь метнулся в сторону, дорога исчезла, перед глазами возникло дерево — тёмный ствол в белом свете фар.

Удар пришёл раньше, чем она успела закричать.

Звук разорвался на металл, стекло и один страшный хруст где-то совсем рядом. Ремень врезался в грудь. Голова дёрнулась, перед глазами вспыхнуло белое.

Василиса попробовала вдохнуть.

Воздух не пришёл.

В груди будто не осталось места для него. Рот открылся, тело попыталось сделать ещё один вдох и не смогло. Где-то звучал сигнал автомобиля, протяжный и неровный, но он быстро отдалился, словно между Василисой и машиной выросла толстая стена.

Она ещё чувствовала ремень.

Холод возле ноги.

Что-то тёплое на лице.

Телефон.

Мама.

Надо было написать.

Эта мысль не успела закончиться.

Василиса умерла в смятой машине на обледенелой владимирской дороге, и следующего вдоха на Земле уже не было.

Во рту появилась горечь.

Травяная, густая, незнакомая.

Василиса не сразу поняла, что чувствует её. После отсутствия всего вкус оказался таким отчётливым, что тело попыталось сглотнуть само.

Где-то шелестели листья.

Слишком громко.

Она лежала неподвижно, не понимая, откуда здесь листья и почему слышит каждый сухой шорох так, будто ветки касаются самого уха. Воздух пах чем-то терпким, прохладным. Ветра на лице не было.

Шелест продолжался за закрытым окном.

Рядом кто-то резко втянул воздух.

— Лавэрия?..

Глава 1. Комната с открытыми окнами

Глава 1. Комната с открытыми окнами

— Лавэрия?..

Чужое имя прозвучало так близко, что Василиса дёрнулась.

Зря.

Боль прошла по телу от затылка до живота, и на несколько секунд всё вокруг сузилось до белёсого потолка над головой и собственного дыхания. Оно было. Неровное, слабое, неприятно тянущее грудь — но было.

Она помнила другое.

Дерево в свете фар. Ремень, врезавшийся поперёк тела. Звук металла и стекла. Невозможность втянуть воздух, сколько ни открывай рот.

Мамино сообщение.

Василиса лежала, боясь шевельнуться, и слушала, как кто-то рядом переставляет стеклянный сосуд. Тихий стук доньшка о стол ударил по ушам сильнее, чем должен был. За окном шуршали листья. Не общей шелестящей массой — слышался каждый порыв, отдельное царапанье ветки, drobный звук чего-то мелкого, пробежавшего по камню далеко внизу.

Она перевела взгляд вправо.

Мужчина сидел рядом с кроватью. Светлая одежда, убранные назад волосы, усталое лицо. В одной руке он держал чашу с водой, другой уже потянулся к её запястью.

Василиса отдёрнула руку.

Движение вышло неловким. Пальцы мазнули по простыне, и она уставилась на них.

Слишком длинные.

Тонкие, бледные, совершенно незнакомые пальцы.

— Не вставайте. — Мужчина поставил чашу обратно. — Вы меня слышите?

Она слышала его так хорошо, что хотелось попросить говорить тише.

— Да.

Собственный голос тоже оказался чужим.

Василиса замерла.

Мужчина не дал ей надолго зацепиться за это открытие.

— Голова болит?

— Всё болит.

Он принял ответ без удивления и коснулся её запястья снова, на этот раз медленнее, оставив ей время убрать руку. Василиса не стала. Пальцы у него были тёплые, прикосновение — деловое, привычное. Хотелось считать это хорошим знаком.

Она повернула голову к окну.

Створки были закрыты. За прозрачным стеклом двига-

лись тёмные ветви, подсвеченные мягким золотистым светом откуда-то снизу. До них было несколько метров, а листья шуршали прямо возле уха.

— Почему я так слышу?

Мужчина задержал пальцы на её запястье.

— Что именно?

— Всё.

Где-то в коридоре прошли люди. Один человек остановился, другой продолжил дальше. Ткань шевельнулась о стену. С другого конца комнаты капнула вода.

Василиса зажмурилась.

— Очень громко.

— После магического повреждения чувствительность может измениться. — Мужчина передвинул чашу ближе к кровати. — Не пытайтесь сейчас разобраться со всем сразу. Сделайте несколько глотков.

Магического.

Василиса открыла глаза.

Он произнёс это слово буднично. Примерно тем же тоном, каким в магазине говорили о зависшем терминале или неверно проведённом возврате.

Она взяла чашу.

Пальцы обхватили её уверенно, хотя сама Василиса не могла отделаться от ощущения, что пользуется чужой рукой. Вода пахла травами. Та же горечь, с которой она пришла в себя, осталась на языке.

Приподняться оказалось сложнее. Она упёрлась локтем в постель, потянулась вверх, и что-то тяжёлое соскользнуло ей на плечо, полезло по шее и закрыло половину лица.

Василиса испуганно замахала рукой.

Мужчина успел поймать чашу.

— Волосы, — сказал он.

Она вытащила изо рта длинную тёмную прядь.

Волосы действительно принадлежали ей. Судя по тому, откуда они росли.

Василиса несколько секунд смотрела на них.

— Почему такие длинные?

Мужчина медленно вернул чашу на стол.

Пауза получилась неприятной.

— Хорошо, — произнёс он наконец. — Ложитесь.

— А что здесь хорошего?

Он не ответил на вопрос. Поправил подушку, дождался, пока она опустится, и только после этого подвинул стул ближе.

— Мне нужно понять, сколько вы помните. Не старайтесь угадывать ответы. Если не знаете — так и скажите.

Угадывать Василиса не собиралась. Ей бы сначала понять, каким образом человек после смерти оказывается в кровати с метровыми волосами и разговаривает с мужчиной, которого ни разу не видел.

— Хорошо.

— Вы знаете, кто такой Даронис?

Она искала имя в памяти.

Там были мама, квартира, магазин, график поставок, кол-леги, школьные годы, отпуск на море несколько лет назад, пароль от домашнего вайфая, дурацкая реклама, которую она ненавидела, и вчерашняя булочка с корицей.

Дарониса там не было.

— Нет.

Целитель на несколько мгновений опустил глаза на её руку, которую всё ещё держал.

— Велондиас?

— Тоже нет.

— Сарэстия?

Василиса покачала головой и тут же пожалела: затылок отозвался тяжёлой пульсацией.

— Я этих людей не помню.

За дверью что-то тихо скрипнуло.

Мужчина посмотрел туда.

Василиса тоже.

— Они там?

Он не стал притворяться, будто не понял.

— Ваши родные ждут снаружи.

Родные.

Слово зацепилось сильнее, чем незнакомые имена.

На телефоне осталось сообщение от мамы. «Как доедешь, напиши».

Она не написала.

Василиса стиснула край простыни.

— Я могу их увидеть?

Целитель поднялся.

— Ненадолго. И если вам станет хуже, разговор закончится.

Он дошёл до двери, а Василиса успела рассмотреть комнату. Светлые стены, дерево, стекло, широкое окно до пола, ещё два узких по соседству. Никаких больничных аппаратов. На низком столике стояли сосуды, лежали сложенные поло-сы ткани и несколько предметов, назначения которых она не понимала.

Мужчина открыл дверь.

Первым вошёл высокий светловолосый мужчина. Длинные волосы лежали на плечах, одежда была слишком изящной для обычной домашней ночёвки, хотя сейчас местами помялась. Он двигался спокойно и остановился у кровати раньше, чем подошёл бы настолько близко, чтобы Василисе стало неудобно.

Второй мужчина остался на шаг позади.

Тёмно-каштановые волосы, внимательные золотисто-зелёные глаза и выражение лица человека, который давно не спал нормально, но не собирался обсуждать это с окружающими.

Василиса переводила взгляд с одного на другого, пока не увидела уши.

Заострённые.

Длинные.

Она моргнула.

Мужчины не изменились.

Значит, не померещилось.

Светловолосый первым нарушил молчание.

— Лавэрия. — Он произнёс имя осторожнее целителя. —

Я Велондиас.

Вот и один из списка.

Он отодвинул кресло и сел, не приближая его к кровати.

— Я твой дядя.

Василиса посмотрела на второго.

Тот понял вопрос без слов.

— Даронис. Твой брат. — Он взял чашу со стола, проверил, осталось ли в ней что-то, и долил воды из кувшина. — Если ты захочешь снова спросить через пять минут, спрашивай.

В его голосе не было ни улыбки, ни раздражения.

Василиса взяла чашу обеими руками.

— Я правда вас не помню.

У Дарониса на секунду изменилось лицо. Совсем чуть-чуть — взгляд задержался на ней дольше. Потом он поставил кувшин на место.

— Мы уже поняли.

— Даронис, — негромко произнёс Велондиас.

— Я ничего ей не предъявляю.

Целитель, оставшийся у двери, сложил руки на груди.

— И не будете. Сегодня ей нужны ответы на её вопросы, а не ваши.

Интонация была такой, что Василисе впервые стало немного легче. По крайней мере, здесь существовал человек, способный сказать её предполагаемым родственникам, когда им следует замолчать.

Она отпила воды.

— Что со мной случилось?

Велондиас на мгновение посмотрел на целителя. Тот не вмешался.

— Ты проводила сложный призыв, — сказал Велондиас.
— Ритуал сорвался. Магический удар оказался тяжёлым. Мы не знали, выживешь ли ты.

Призыв.

Ритуал.

Магический удар.

Каждое новое слово делало происходящее менее похожим на реанимацию после аварии.

Василиса потёрла большим пальцем край чаши.

— А кого я простите, призывала?

Между мужчинами прошла короткая пауза.

— Этого сейчас лучше не обсуждать, — ответил Велондиас. — Тебе нельзя возвращаться к магической работе, пока целители не поймут последствия.

Это прозвучало не как попытка уйти от ответа. Скорее как решение, уже принятое за человека, который еле сидит

в кровати.

И, к сожалению, спорить с этим решением было трудно.

— А где я?

— В Илвейре. — Велондиас положил ладонь на подлокотник. — Это твой дом.

Дом.

Василиса оглянулась на незнакомую комнату.

— Мой?

Даронис смотрел на неё всё тем же внимательным взглядом.

— Ты совсем ничего не узнаёшь?

Она снова посмотрела на светлую стену, окна, резной край шкафа, ткань балдахина над кроватью. Ни одной зацепки. Ни ощущения «я здесь была», ни смутной картинки, ни знакомого запаха.

— Нет.

Слово вышло тише.

Даронис подошёл к окну. Повернул одну из ручек, и верхняя часть створки приоткрылась. В комнату вошёл прохладный воздух.

Василиса услышала сад так отчётливо, что на мгновение перестала слушать людей.

Вода.

Где-то совсем рядом текла вода — не из крана и не по трубе. Настоящий поток, разбивающийся о камень. В ветвях перекликались птицы, и одна из них издавала короткий звон-

кий звук, похожий на удар по стеклу.

— Слишком громко? — спросил Даронис, не отходя от окна.

— Уже терпимо.

Он прикрыл створку наполовину.

Василиса поймала себя на том, что следит за ним. Он был незнакомцем, который знал, насколько открыть окно, чтобы ей стало легче.

От этого становилось ещё страннее.

— Ты говоришь иначе, — произнёс Даронис.

Василиса напряглась.

Он не смотрел на Велондиаса. Только на неё.

— И голос?

— Голос тот же, — Даронис немного помедлил. — Манера.

Она не знала, как отвечать.

Целитель подошёл к кровати раньше, чем молчание успело вытянуться.

— После такого повреждения измениться может многое. Речь, реакции, привычки. Сейчас это ничего не доказывает. — Он забрал чашу из рук Василисы и поставил на стол. — А разговор закончен.

— Я ещё могу...

— Нет.

Первое за всё время слово, которое прозвучало здесь совершенно нормально.

Василиса даже не стала возражать.

Велондиас поднялся. Вместо прощания он подтянул к кровати столик так, чтобы до воды можно было дотянуться, не вставая.

— Мы будем рядом. Если вспомнишь что-нибудь или захочешь спросить — позови.

Василиса посмотрела на него.

— Я могу спрашивать вещи, которые, наверное, звучат глупо?

Он остановился у двери.

— После сегодняшнего я не буду оценивать их по этому признаку.

Даронис пропустил дядю вперёд, но сам задержался.

— Тебе не нужно изображать память ради нас. — Он убрал со спинки кресла соскользнувшую ткань и положил её рядом с подушкой. — Если не знаешь меня, значит, сегодня не знаешь.

От этих слов в горле стало тесно.

Василиса отвернулась к окну.

— Хорошо.

Даронис вышел.

Целитель задержался ещё на несколько минут, проверил воду, заставил её снова лечь и предупредил, что вставать без помощи не стоит. Василиса послушно дождалась, пока дверь за ним закроется.

Потом досчитала до двадцати.

Встала.

На третьем шаге выяснилось, почему целитель получал деньги за советы.

Ноги держали, но пол качнулся так резко, что Василиса вцепилась в столбик кровати. Волосы снова полезли вперёд, запутались в руке, прилипли к губам. Она откинула их за спину и постояла, пока комната перестала медленно уходить вбок.

До высокого зеркала у шкафа было шагов пять.

В новом теле — четыре с половиной, потому что ноги оказались длиннее привычных и первый нормальный шаг едва не вынес её дальше, чем она ожидала.

— Отлично, — прошептала Василиса. — Ходить тоже учимся.

Шутка вышла слабая. Она и не пыталась смеяться.

Зеркало начиналось от пола.

Первой Василиса увидела фигуру в светлой длинной рубашке, слишком свободной в талии. Потом тёмные каштановые волосы, густые, волнистые, падающие ниже груди. Светлая кожа. Лицо молодой женщины — красивое настолько, что Василиса сначала задержалась на нём, а потом испугалась собственной задержки.

Чужое.

Она подняла руку.

Отражение подняло свою.

Василиса коснулась щеки. Женщина в зеркале сделала то

же самое.

Глаза были синими, яркими, с тонкими красноватыми прожилками вокруг зрачка. Таких глаз она никогда не видела.

А потом волосы сдвинулись с виска.

Василиса уставилась на ухо.

— Да ладно?

Она осторожно провела пальцами по вытянутому острому краю.

Ухо почувствовало прикосновение.

Щекотно.

Настоящее.

Василиса повернула голову в другую сторону, проверила второе и опустила руки.

Два незнакомых мужчины с такими же ушами. Магический ритуал. Призыв. Дом с окнами на какой-то сад.

Если это было посмертие, оно требовало слишком много бытовых уточнений.

Она упёрлась ладонями в край столика перед зеркалом.

— Лавэрия.

Отражение смотрело на неё.

Имя не вызвало ничего.

Ни воспоминания, ни узнавания, ни ощущения ошибки. Набор звуков, которым люди вокруг называли это лицо.

— Лавэрия, — повторила она тише.

А потом пришла мысль, от которой живот свело сильнее

любой боли после пробуждения.

У этого тела была хозяйка.

Василиса выпрямилась и сразу пожалела: перед глазами потемнело. Она переждала, не отрывая рук от столика.

Где Лавэрия?

Ритуал сорвался. Тело едва не погибло. Потом внутри очнулась она — Василиса, умершая в смятом такси во Владимире.

Может быть, эта женщина тоже умерла?

А может быть и не умерла.

Возможно, с ней случилось что-то такое, для чего у Василисы даже слов нет.

Самая страшная версия пришла следом: а если Лавэрия теперь где-то в её земном теле?

Она сразу вспомнила дерево перед лобовым стеклом.

Воздух, который не пришёл.

Нет.

Даже если такое было возможно, возвращаться там было некуда.

Василиса зажала рот ладонью.

Дышать стало трудно. Воздух проходил, грудь поднималась, но тело словно забыло подходящий ритм. Она опустилась на край ближайшего кресла, потому что ноги больше не хотелось проверять на прочность.

Мама.

Дом.

Её собственное лицо, которое теперь осталось где-то там, после аварии.

А здесь люди называют её чужим именем и смотрят так, будто чуть не потеряли.

Если она выйдет к ним и скажет: «Ваша Лавэрия неизвестно где, а я умерла вчера вечером в другом мире», что они сделают?

Поверят?

Испугаются?

Решат, что ритуал повредил ей голову сильнее, чем думает целитель?

Или в мире, где слово «магия» произносят без удивления, существует ответ намного хуже?

Василиса сидела, прислушиваясь к своему слишком быстрому дыханию.

Нет. Сейчас ей хватало того, что она знает.

Её зовут Василиса.

Её называли Лавэрией.

Это место называется Илвейр.

Велондиас считает себя её дядей, Даронис — братом.

Остальное подождёт, пока она хотя бы научится доходить до зеркала без риска рухнуть по дороге.

Она поднялась, держась за мебель, и вернулась к кровати.

В этот раз шаги получились лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.